

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1972 — 1978

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1972

ПОВЕСТИ

Сборник приключенческих

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1973

РАССКАЗЫ

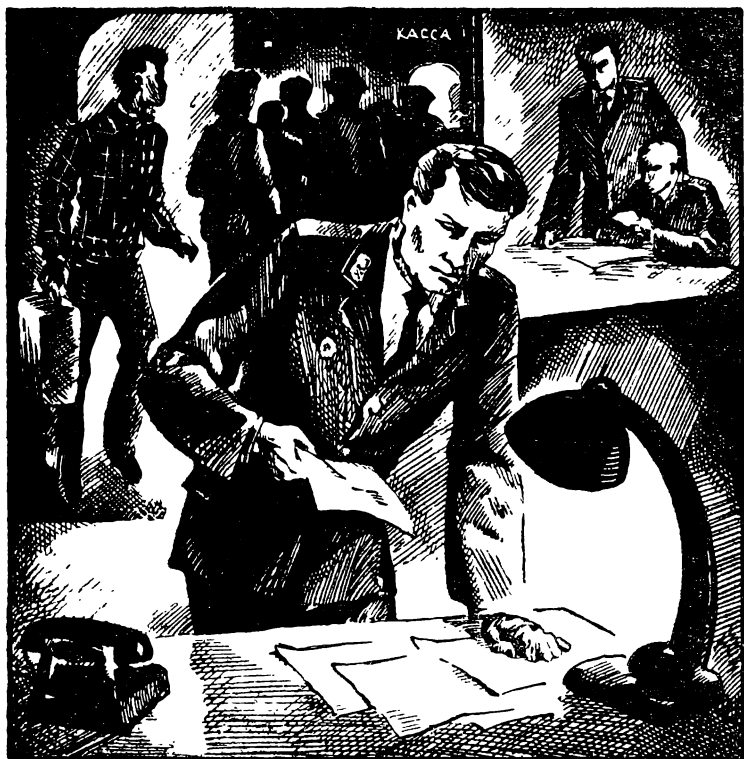
повестей и рассказов

P2
П-75

Х у д о ж н и к
Ю. Б А Ж А Н О В

7-3-2
191-73

© Издательство «Молодая гвардия», 1973 г.

Дело без свидетелей

Денисов застал Кристинина в его кабинете, на Петровке, на четвертом этаже.

Здесь было, как всегда, по-казенному чисто и пусто. Чуть пузырилась в графине на столике вода, глупый тигр скалил со стены брезгливую, невыспавшуюся морду.

Капитан милиции Кристинин сидел за столом и читал какие-то бумаги. Увидев Денисова, он прищурил вместо приветствия один глаз и снова углубился в документы. Денисов осторожно вздохнул, сел в кресло у окна и стал ждать.

Время от времени в комнату без стука входили незнакомые Денисову люди, брали со стола отпечатанные на ротаторе бумаги, читали и расписывались.

Коротко остриженная, круглая голова Кристинина покоилась на подставленных к подбородку кулаках. Это была его обычная рабочая поза, и Кристинин рассказывал как-то, что в школе ему часто попадало за нее от старого чудаковатого математика.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Кристинин поднял голову и снова подмигнул на свой манер. Лицо у него было смуглое, живое, с тонкой смешинкой, словно он непрерывно вел какие-то веселые, известные ему одному наблюдения.

Пока Денисов ждал, вошел лейтенант Губенко. Он ничуть не изменился за это время и выглядел таким же костлявым и угловатым.

— Денисов?! — удивился Губенко. — Каким ветром?! Ты где сейчас? — Он ревниво следил за продвижением по службе своих знакомых и, встречаясь с ними после долгого перерыва, заметно волновался.

— Все там же. На вокзале.

— Перешел в уголовный розыск?

— Нет, стою на посту.

— Но ты ведь на юрфак поступил?! — Губенко успокоился, и с этой минуты его отношение к Денисову можно было снова называть теплым и даже дружеским. — Почему на посту?! Ты кадровика своего

знаешь? Я, между прочим, хотел его спросить о тебе: мы двенадцатого вместе гражданский процесс сдавали... И забыл — понедельник, летучка, тут мне еще взносы собирать!

— Четверг, — уточнил Денисов, — двенадцатого в том месяце был четверг.

— Правильно, в понедельник я теорию сдавал. — Губенко удивленно покосился в его сторону.

— Все! — сказал Кристинин, подымаясь. — Можно отдавать печатать! — Он вышел из-за стола и остановился напротив Денисова. — Ну что нового? Дал Блохин какое-нибудь запутанное преступление?

— Дал! — Это и было тем главным, что привело Денисова в эту комнату. — Сначала не хотел, говорил, что сержанту не положено. А потом дал. Кражу чемодана у билетной кассы прошлым летом...

Губенко даже присвистнул.

— Лучше нераскрытое убийство. Подозреваемый есть?

— Никого, ни одного свидетеля. Потерпевшая ждала очереди за билетами, чемодан стоял сбоку. В деле один допрос, три постановления.

Врожденная тактичность не разрешала Денисову прямо попросить о помощи, он сидел и молчал.

— Как собираешься поступить? — спросил Кристинин. Денисов пожал плечами.

— Я бы отказался от такого добра. — Губенко поднял руку, и тонкий золотой поплавок на его пальце запрыгал по вьющейся шевелюре, как по волнам.

Зазвонил телефон.

— Вы ошиблись, — сказал Кристинин и положил трубку. — Эту кражу мог совершить любой вокзальный вор и даже карманник. Мы, между прочим, взяли в том году одного такого. В Верин день рождения — пятнадцатого сентября. В ГУМе.

— Это было в субботу, — подсчитал Денисов и неожиданно покраснел.

Кристинин внимательно посмотрел на него.

— Это трудно? Вот так, за прошлый год?

— Пустяки, сложно только переходить через десятилетия. А так ничего особенного.

— Денисов в своем репертуаре! — рассмеялся Губенко. — Ну что?! Пора, пожалуй, бежать. Ты заходи, может, что-нибудь придумаем?!

— На всякий случай я дам тебе адрес Дмитрия Ивановича, — сказал Кристинин, когда они остались одни. — В психологии карманного вора он разбирается отлично.

— Вот что: может быть, все-таки зря я попросил это дело? Рано мне?

— Ничего не рано! С нераскрытым делом всегда так.

В дверях кабинета неожиданно возник маленький запыхавшийся подполковник.

— Я только что от экспертов, Кристинин! Все пражом — ничего не подтвердилось! — Увидев Денисова, он выразительно замолчал.

Денисов поднялся.

— Я зайду после сессии, двадцатого.

До начала зимней сессии Денисов не успел заняться нераскрытым делом — не хватало времени. Положенное число часов складывалось в сутки, а там уже — не успеешь заметить — проходили недели.

С восьми до шестнадцати он нес службу в залах вокзала или на платформах — смотрел за порядком, не разрешал распивать водку в буфетах, объяснял, как проехать в ГУМ, ЦУМ, на Красную площадь, приводил к родителям заблудившихся детей, выслушивал, советовал, рапортовал. Сдав смену, тут же наскоро перекусив, ехал в читалку, переписывал конспекты, зубрил немецкий, мчался на семинарские занятия, а всю обратную дорогу домой в электричке читал учебник и только в самом конце пути, топя пешком от Бирюлева к поселку, мысленно возвращался к нераскрытому преступлению. Тут он начинал идти медленнее и тщательно контролировать мысли, которые никак не могли замкнуться в ограниченном Денисовым круге скучных фактов. Только увидев издалека, за деревьями, два ярко освещенных окна, Денисов давал себе команду «отбой» и с облегчением ускорял шаг.

Несколько раз, стоя на посту, он видел на вокзале старшего инспектора Блохина. Маленький, неразговорчивый, в коротком осеннем пальто и круглой непримятой шляпе, сменившей его привычную финскую меховую кепку, с газетой в руках, Блохин внезапно появлялся в проходе между скамьями, разворачивал газету и поверх нее сосредоточенно, тяжело осматривал зал. Постояв

минут пятнадцать, он исчезал так же внезапно, как и появлялся.

С Денисовым Блохин не заговаривал и никогда не напоминал о нераскрытом преступлении, словно ожидая того дня, когда Денисов сам подойдет к нему и беспомощно разведет руками. В том, что такой день наступит, Блохин с самого начала не сомневался и, догадываясь об этом, Денисов нервничал и злился.

Несколько раз, улучив свободное время, Денисов подходил к кассе, у которой была совершена кража, становился в очередь, внимательно приглядывался к окружающему. Поверх голов ему был виден все тот же огромный, непроветренный зал для транзитных пассажиров, глухие стены выстроенных буквой «П» автоматических камер хранения, остроконечные галстуки-регата на витрине киоска и люди, сидевшие как на стадионе, ровными рядами.

Сбоку от кассы, у колонны, обязательно стояли оставленные кем-то чемоданы, и каждый, кто, получив билет, пробирался спиной вперед из очереди, толкал их то в одну, то в другую сторону. Когда до окошечка оставалось человек пять, Денисов оставлял очередь и узким проходом, стараясь никого не задеть, шел к тяжелым стеклянным дверям, от которых тянуло морозным воздухом улицы.

«Я только что с экспертизы, — вспоминал он незнакомого маленького подполковника из МУРа, — ничего не подтвердилось — все прахом!»

От этих непривычных забот Денисов заметно побледнел и осунулся. Впрочем, свою первую в жизни сессию он сдал на «отлично».

Дмитрий Иванович, рекомендованный Кристининым как специалист по психологии карманных воров, жил в Химках — Ховрине, недалеко от метро, в одном из блочных домов.

Дверь Денисову открыл худенький мальчик, с белой, почти седой челкой и розовыми, как у поросенка, ушами. Не поздоровавшись, он тут же молча ушел в кухню.

Через минуту оттуда появился полный угрюмый человек в тапочках, пальто и шапке-ушанке. В руке он держал бидон из полиэтилена с красной крышечкой.

Денисов поспешил представиться.

— А-а! — беззвучно засмеялся Дмитрий Ивано-

вич. — Кристинина я давно знаю, когда он еще следователем работал. — Коротко кольнув Денисова маленькими светлыми глазками, он стал переобуваться. — По дороге поговорим. Я за молоком собрался. А ну, пострел! — Это уже относилось к мальчику.

Дверь в кухню захлопнулась.

— Пошли!

Морозный день резанул по глазам неожиданно ярким светом.

— Ух ты! — зажмурился Дмитрий Иванович. — Как сверкает! Я ведь сегодня на улицу еще не выходил! Вот как отпуск догуливаю.

Денисов в нескольких словах рассказал о своем деле.

Они шли гуськом по тропинке между домами — впереди Дмитрий Иванович, за ним Денисов. Дмитрию Ивановичу заметно льстил выбор Кристинина, он поминутно останавливался, подробно расспрашивая Денисова.

— У нее, у потерпевшей, кроме чемодана, наверное, еще сумочка была? Так?

— Была. Там двести рублей лежало.

— А как она ее держала, не расспрашивали? Какой стороной?

— Нет, это не спрашивали...

Дмитрий Иванович чертыхнулся.

— Так... Теперь скажи мне, когда он чемодан взял, то как пошел от очереди — по ходу или назад вернулся? — Разговаривая, Дмитрий Иванович как-то странно жестикулировал двумя длинными, торчащими, как клешня, пальцами — указательным и средним, и Денисов, уже смутно догадывавшийся о чем-то, никак не мог заставить себя не смотреть в их сторону.

— Пассажиры говорили, что назад никто не возвращался.

— Значит, по ходу. Ну а когда из очереди она выходила с билетами, никто в это время к кассе не лез? Что-нибудь спросить или деньги разменять?!

— Этого не было.

Незаметно для себя Денисов и Дмитрий Иванович оказались в пустоватом помещении нового магазина. Не переставая разговаривать, Дмитрий Иванович встал к кассе, потом подал продавщице бидон. Купив молоко, они повернули к дому.

Заключение было категорическим.

— Чемодан брал не карманник. Тот бы в первую очередь сумочкой интересовался. Опять же, конечно, в какую сторону сумочка распахивается, когда замок бьешь. На тебя или на потерпевшую?! От этого многое зависит. И был он одиночка! Может, даже не воровать приходил, а польстился! — По лицу Дмитрия Ивановича бродила нагловатая непонятная ухмылочка. — Он двести бумаг, что в сумочке лежали, прямо из рук выпустил. Теплыми! А чемодан с тряпками взял! Скорее это фраер!

— Вы уверены? — спросил Денисов: злорадство и два бесстыдно выставленных вперед негнущихся пальца старого карманника вызвали в нем вдруг острую неприязнь.

— Новичок, точно, — лицо консультанта вдруг как-то сразу сникло и приобрело совершенно иное, суховатое выражение, — по глупости многое еще бывает. По себе знаю, да и Кристинин тебе, наверное, говорил — он меня три раза сажал, пока я сам к нему не пришел. «Хватит, — говорю, — начальник, больше не ворую. Помогите начать жизнь сначала». Сейчас уже семь лет на свободе.

Говорил в основном Кристинин. Он приехал на вокзал под вечер вместе с Губенко и был какой-то особенно возбужденный и отчаянно насмешливый.

— А мы в кино были! — еще здороваясь, объявил Кристинин. — Смотрели «Василису Прекрасную!» Розыск Горыныча! Участие общественности, мероприятия инициативного розыска! Рекомендую!

— Вы мне локтем чуть ребро не сломали во время сеанса! — улыбнулся Губенко.

— Боялся, опять что-нибудь упустишь! — Кристинин поднял глаза на Денисова. — Ну как с твоим делом?

— Кое-что есть. — Денисов взял Кристинина за рукав. — У нас из этого зала два выхода, но преступник мог выйти только через багажный двор, потому что здесь, у киоска, стоял как раз командир отделения, и милиционер ему сразу крикнул про кражу. Понимаете? Но и через двор вор не выходил. Туда побежала потерпевшая, а за нею милиционер, который крикнул командиру... Они бы обязательно увидели вора. Далеко он уйти не мог.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Губенко.

— Из зала вор с чемоданом не выходил.

Губенко издал короткий смешок.

— Он вошел в автоматическую камеру хранения: у него не было другого выхода. Когда его искали на улице, он был здесь, — Денисов кивнул на прямоугольник стальных ящиков в середине зала, — а потом, когда все улеглось, ушел...

— Разве у вас никто здесь не дежурит?

— Дежурный мог быть в глубине помещения. Здесь все решали секунды.

Все помолчали.

— Не так давно прочитал я книгу Штрома, — сказал Кристинин, натягивая перчатку, — исследователь устанавливает факты двухсотлетней давности. Он использует документы, о которых сегодня не всякий следователь вспомнит. Версия о том, что Радищев присутствовал в Москве на казни Пугачева, доказывается требованиями на выдачу подвод и лошадей. Проверяются архивы монастырей, описания личных библиотек, семейная переписка... Нужно искать архивы, старик! Я, правда, не знаю, есть ли архивы у этих ящиков. Ну что-то должно же быть?! Начни с работников камеры хранения, там всегда сидят очень симпатичные люди.

Особого расположения к себе со стороны работников камеры хранения Денисов не почувствовал, тем не менее ему вежливо ответили на все интересовавшие его вопросы. Потом заведующая, запахнув на себе широкое пальто, повела Денисова на склад, где лежали невостребованные вещи. У заведующей были прямые жесткие волосы, падавшие по обе стороны веснушчатого без бровей лица. Она разговаривала с Денисовым, не размыкая рта.

— Можете проверить.

На длинных деревянных стеллажах лежали вещи, а сбоку, на полу, — документация. Денисову раньше и в голову не приходило, что на вокзале скапливается такое количество утерянных вещей. Кроме сумочек, часов, фотоаппаратов, здесь были такие предметы, которые, казалось бы, вовсе трудно потерять — велосипеды, аккордеоны и даже один стол, новый, полированный, с густой паутиной черных прожилок.

— Неужели это все забытые?

— Других здесь не бывает, — заведующая видела в Денисове дотошного несимпатичного ревизора.

В окончательном виде версия Денисова выглядела простой и весьма логичной: забежав в автоматическую камеру хранения, преступник положил чемодан в одну из свободных ячеек и скрылся. Через несколько дней, когда все успокоилось, он спокойно унес чемодан домой.

В камере хранения почти всегда стоят несколько пассажиров, которые забыли номер ячейки, рассуждал Денисов, или набранный шифр. Они пишут заявления и ждут, пока дежурные откроют им ячейки ключом. Эти люди могли обратить внимание на вбежавшего, запыхавшегося человека с красным чемоданом, может, даже запомнить его. Оставалось только установить, кто обращался в тот день к дежурным по автокамере.

Теперь, глядя на все это оставленное владельцами богатство, Денисов подумал, что преступник мог тоже в спешке забыть набранный шифр, а потом не рискнуть прийти с заявлением. Тогда вещи потерпевшей должны быть здесь же, на стеллажах.

Обрисовав приметы похищенного, Денисов подошел к полкам.

— Майор Блохин уже искал этот чемодан, между прочим...

— Да? — Денисов смутился. — Тогда я посмотрю заявления за девятое июля прошлого года.

Заявлений было восемнадцать, все они начинались с отпечатанной жирным шрифтом фразы «ПРОШУ ВЫДАТЬ ВЕЩИ». В конце шла стандартная типографская строчка «ВЕЩИ ПОЛУЧИЛ СПОЛНА». Денисов аккуратно переписал фамилии заявителей, подумали на всякий случай записал номера и серии паспортов. Потом вышел на платформу.

В привычной вокзальной суете он чувствовал себя свободнее, и она давно не казалась ему такой беспорядочной и бессмысленной, как в первые месяцы работы. На восьмой путь осаживали фирменный скорый, и с другого конца станции к нему уже тащился заснеженный электрокар с длинным хвостом почтовых контейнеров. За ним должны были подать другой — поменьше — для вагона-ресторана. К отправлявшейся электричке быстро, по морозцу, спешили женщины с обувной фабрики. Весело перекликались мороженщицы.

На крыльце отдела милиции Денисова встретил дежурный. Он был в отличном расположении духа и молча похлопывал ключами по голенищам своих разбухших, готовых лопнуть по швам сапог.

— Дождя на улице нет? — сострил гигант.

— Не знаете, как называется этот вокзал? — отыграл Денисов.

Майор Блохин сидел у себя в кабинете и что-то писал мелким неровным почерком, часто царапая бумагу. Увидев Денисова, он улыбнулся и поднял авторучку.

— Ну как дела? Рассказывай...

— Надо написать запросы пассажирам, которые обращались к дежурным. Может, кто-нибудь видел его.

— Не уловил...

Денисов стал излагать свою версию как можно короче и объективнее, чтобы старший инспектор не подумал, что он, Денисов, сам не замечает всех ее слабых сторон. Блохин понял все сразу, но перебивать не стал, хотя оставленный листок с маленькими угловатыми буквами ежеминутно напоминал о себе.

Наконец терпение Блохина иссякло.

— Теперь ты убедился, Денисов, что раскрыть преступление во много раз труднее, чем его не допустить?! Если каждый милиционер будет об этом помнить, знаешь, что будет?! А запросы... — Блохин усмехнулся, — клал ли преступник вещи в автокамеру?! Это же только догадки! А если и клал? Ты думаешь, кто-нибудь через полгода вспомнит, кого он видел в этой толчее...

— Но попытаться мы можем?!

— Нет, я с такими запросами к начальству не пойду. От своего имени берись, пожалуйста. А теперь извини — мне спецсообщение надо писать, — он снова придвинул к себе исписанный листок. — Будь здоров, заходи!

После ужина Денисов не спеша промыл в теплой воде авторучку, аккуратно расшил общую тетрадь, предназначенную для конспектов, и взялся за запросы. Писал он долго, пока не приехала из техникума жена, и потом, когда она легла спать, поставив будильник на полшестого. Денисов написал всем восемнадцати пассажирам. От письма к письму стиль изложения улучшался сам собой, и два последних запроса он сочинил так здорово, что пришлось первые переписать заново. Подписывал свои запросы Денисов одной фамилией, без должности и звания, и просил ответить на отдел милиции.

Рано утром, опуская письма в почтовый ящик на вокзале, он чувствовал себя легко и празднично, будто с этой минуты всем мучавшим его заботам мгновенно наступал конец.

Первый ответ пришел уже через неделю.

«Уважаемый товарищ, — писал из Донецка незнакомый корреспондент (прямо-таки по Блохину!), — как видно из полученного мною письма, Вы считаете, что для человека, прибывшего на столичный вокзал, нет там ничего более важного, как примечать все за другими пассажирами!

...Однако, если вам это так необходимо, сообщаю, что свои вещи я клал примерно в 17 часов и получил в 21.45 и, конечно, никого не старался запомнить. С уважением...»

Денисов сам удивился тому, что тон письма его совсем не задел, тем более жаждал он теперь получить ответы на свои остальные запросы.

Несколько дней писем не было совсем, и Денисову все труднее было находить повод для посещения канцелярии. Потом пришло еще одно письмо, а вслед за ним сразу три. В течение недели Денисов получил девять писем, на остальные ответа так и не дождался и решил написать еще раз.

В одном из писем студент-рижанин прислал адрес своей подруги со станции Баскунчак, которая вместе с ним приходила получать вещи и могла чем-то помочь. Этой подруге Денисов послал запрос в тот же вечер.

Все корреспонденты никого из находившихся с ними в камере хранения людей не запомнили, а пожилая женщина, ездившая к внучке в Старый Оскол, посочувствовав Денисову, попросила узнать, можно ли в Москве купить готовальню У15-Л из латуни.

Эти дни, пока он ждал писем и пока они приходили, написанные незнакомыми почерками, со штемпелями далеких городов, были для Денисова особенно радостными, и он терялся, пытаясь объяснить жене причину этой радости.

— Дело, видимо, в том, — по-женски ставила все на свои полочки Лина, — что ты сейчас участвуешь в противоборстве с преступником. Между вами идет борьба...

— Какая же сейчас борьба? Он ничего не делает, пьет, гуляет, борюсь я один...

— Преступник сделал свой ход, теперь очередь твоя, как в шахматах...

Еще до того как пришел ответ на последний запрос, Денисов, поразмыслив, решил написать всем пассажирам, которые получали свои вещи через дежурных с девятого по тринадцатое число, — по инструкции вещи в камере хранения могут находиться пять дней, и преступник мог прийти за ними и на другой день, и на третий, и на пятый.

Письма шли теперь каждый день, и кто-то в отделе сострил, что сержанту Денисову пора обзавестись личным секретарем. А он ломал голову над тем, как еще расширить поиск людей, находившихся в день совершения преступления на вокзале.

Командир отделения Ниязов невольно навел его на счастливую мысль — в комнате матери и ребенка имелась книга с адресами пассажиров, медицинская комната вела свою регистрацию, аккуратно записывала всех обратившихся и касса возврата билетов. Должен же был кто-нибудь видеть преступника на вокзале!

«Когда я получал двенадцатого июля свой рюкзак в автокамере, — писал преподаватель труда вспомогательной школы из Жданова, — то вместе со мной писал заявление незнакомый молодой парень, на которого я обратил внимание. Ему выдали вещи передо мной — сумку и чемодан красного цвета, примерно такой, о каком Вы пишете. В сумке я случайно увидел несколько микрометров, штангель, резцы и что-то еще. В чемодане было дамское белье. Парень был выпивши и заявление написал так грязно и неразборчиво, что дежурный предложил ему написать новое. Парень отказался, сказал, что лучше не может. Дежурный хотел на него воздействовать, но многие из очереди поддержали парня — всем было некогда. Второй работник автокамеры тоже заступился за него, и между дежурными произошла небольшая ссора. В конце концов первый дежурный сказал: «Можешь выдавать сам! Я такой документ подшивать в папку не буду!» Второй дежурный спокойно выдал вещи, а заявление порвал и бросил под стол. Парень был лет двадцати пяти, одежды, конечно, не помню, черненький, со шрамом на шее».

За смену Денисов прочитал письмо несколько раз,

и каждый раз, перечитывая или только вспоминая о нем, начинал улыбаться.

«Самодовольный дурак, кретин! — спохватывался Денисов. — Чему ты радуешься? Задержал преступника? Или раскрыл преступление? Ты думаешь, что дежурные хранят все испорченные бланки с 1902 года, со дня постройки вокзала?!»

Денисов знал обоих работников камеры хранения, о которых писал учитель. Он мысленно представлял себе, как маленький дотошный Хорев, медлительный и вязкий, с вечно недокуренной дешевой сигарой, требует переписать заявление, а ленивый горластый Горелов, с крошечными белыми пятнышками на лице, которые он называет болезнью Витилиго, отмахивается от напарника: «Некогда бюрократизм разводить: люди на поезд спешат!»

И потому, что работники камеры хранения, в свою очередь, хорошо знали Денисова и его служебное положение, он решил, что разговаривать с ними должен сотрудник вовсе им неизвестный. Несколько раз Денисов звонил Кристинину, но не заставал его на месте, не было Кристинина и в конце рабочего дня, поздно вечером, когда Денисов наконец сдал смену.

В электричке, по дороге домой, он снова прочитал письмо, теперь оно только встревожило его, не вызвав никакого удовлетворения. «Почему я решил, что речь идет именно о моем чемодане? И как найти человека по шраму на шее?!»

Приехав на станцию, Денисов не удержался и зашел в проходную кирпичного завода, чтобы еще раз позвонить Кристинину. Было уже начало первого часа.

— Сейчас телефон освободится и звони сколько надо, — махнул рукой вахтер, старый милицейский отставник, провожая Денисова в караулку.

За столом, склонившись к самому аппарату, сидела молоденькая женщина в черном халате. Свободной рукой она скручивала и тут же выпрямляла телефонный шнур.

— ... Так вы всю свою жизнь проспите, — разговор шел, видимо, давно, и все точки над «и» были уже поставлены, — в пятницу тоже никуда не ходили?! Не может быть!

— Ты, девушка, бери быка за рога, — посоветовал ей отставник, — а то человеку позвонить надо!

— ...Товарищи ваши были в клубе.. Рыженький такой был, который тогда в гармонику играл... Он почему-то холода не боится! — Денисов решил, что она разговаривает с солдатом, заступившим дежурить на коммутаторе. — А в крайнем случае я могу вам валенки принести!

— Вот уже сорок минут разговаривает! Мне что?! По мне, хоть всю ночь звони, но когда человек по делу должен... — Денисов дернул вахтера за шинель, и тот умолк.

Ровно гудел за стеной кирпичный завод, чуть жужжали под потолком лампы дневного света, и молоденькая работница в сапогах на босу ногу и в испачканном глиной халате безнадежно и неумело расставляла свои нехитрые сети. Денисов не заметил, как задремал.

— Звони, — разбудил его вахтер.

— Как у нее? Договорились?

— Второе уж дежурство звонит, да все глухо. Без пользы делу!

Денисов набрал номер и на секунду затаил дыхание. Внезапно очень близко он услышал знакомый громкий голос.

— Слушает Кристинин.

— Алло?! Кристинин? — еще не веря, закричал в трубку Денисов. — У меня интересные новости! Алло! Это Кристинин?

— Это я, если будет на то воля аллаха. — Кристинин любил цитировать Насреддина.

Перебивая себя, Денисов рассказал о письме, о дежурных, закончил он тем, что полностью зачитал письмо учителя из Жданова вслух.

— Хорошо. На Хорева мы напустим Губенко. Они найдут общий язык. А сейчас давай домой и ни о чем не думай.

— Спокойной ночи!

Через лес к поселку Денисов шел не торопясь, заложив руки в карманы, как на прогулке, полностью отдавшись вдруг возникшему в нем чувству спокойной уверенности.

Денисов увидел Губенко на крыльце. Лейтенант стоял, как всегда, независимый, худой. В руке он держал новенький, словно сейчас из магазина, импортный портфель-саквояж.

— Здравствуй, Денисов! — он подал горстку длинных холодных пальцев. — Где здесь у вас можно переговорить? Теснота такая! Как вы тут работаете? — Губенко не умел быть приятным.

— Пойдем к носильщикам. Здесь рядом!

Они вошли в небольшую комнату с геранью на подоконниках и длинными скамьями вдоль стен. Губенко достал из кармана старую газету, постелил на скамью.

— Ну вот, — сказал Губенко, — я уже разговаривал с Хоревым. Кстати, в нем ничего от зануды. Спокойный человек, может, чересчур педантичен...

— Что он тебе сказал?

— Он вспомнил все обстоятельства того дня. Как я понял из его рассказа, второй ваш дежурный... Горелов? Безответственная личность...

— Хорев помнит приметы преступника?

— Он в тот же день написал служебную записку. Там есть и фамилия и имя этого парня. Отчества нет.

— Не Смирнов Николай?! — спросил Денисов, леденя при мысли о сотнях людей, среди которых придется искать подозреваемого.

— Николай! Но не Смирнов, а Суждин, — разговаривая, Губенко вынул из кармана капроновую щеточку и стал не спеша протирать свой и без того чистый саквояж.

— Сколько же их в Москве, Суждиных?

— По адресному бюро всего двое, но один уже отпал. Второй живет по вашей дороге. Мы можем к нему поехать. Я разговаривал с полковником и просил дать тебя мне в помощь. Правда, я не сказал, что еду по вашему делу. Ничего? Так что переодевайся.

— Ты... Ты... — не находя слов, схватил его Денисов за руку. — Ты просто молодец!

— Ерунда, — Губенко чуть покраснел. — Тебе сколько нужно времени, чтобы переодеться?

— В общежитие побегу... Здесь рядом.

Заснеженный поселок, куда они приехали через несколько часов, в Москве обычно вспоминают лишь с наступлением грибного сезона. Губенко так и подмывало расспросить о грибах инспектора местного отделения, но молодцеватый, подтянутый младший лейтенант разговаривал с ними сдержанно, чуть-чуть свысока.

— Суждин?! — удивился он. — Знаю такого. Ничего за ним раньше не замечалось.

— Не помните, у него шрамика нет на шее? — спросил Денисов.

— Можно узнать: он здесь рядом живет. Мне все равно там паспортный режим проверять! — Младший лейтенант поправил галстук и провел рукой по значкам на кителе.

Перед тем как зайти к Суждиным, инспектор «для конспирации» решил проверить паспортный режим на всей улице. Втроем это делалось быстрее, а отказаться Денисову и Губенко было неудобно. Поэтому к Суждиным они попали только через час.

Дверь открыл темноволосый мальчуган лет двенадцати, и тут же, вслед за ним, в дверях показалась его бабушка — высокая старуха с поджатыми синими губами и острым взглядом. Ей было не меньше семидесяти.

— Кто, значит, еще здесь живет? — нарочито бодро спросил инспектор, беря домовую книгу.

— Внук, Николай, он в райцентре работает, на предприятии...

— Слесарем, — вклинился в разговор мальчуган, — а раньше в Москве работал...

— Что-то я его не помню! — в тон младшему лейтенанту сказал Губенко. — Какой он из себя? У вас фотокарточки нет?

— Витя, — скомандовала старая женщина, — где у нас Колины фотографии? Кажись, в комодке...

Внук вытащил на стол большой черный конверт с фотографиями и выгреб их оттуда на стол.

— А-а! — сказал наобум инспектор. — Знаю его! У него еще шрамик вот здесь, — и он провел рукой по шее.

— Это у него от ожога, — кивнула старуха.

— Так, так... А участковый часто к вам заходит? — под пристальным, пронизательным взглядом старухи приглядываться к фотографиям было неудобно, да и не имело особого смысла.

Внезапно Денисов почувствовал, что Губенко тихо постукивает его носком ботинка по ноге, обращая внимание на что-то, чего он, Денисов, еще не замечает. Денисов осмотрелся, но ничего не увидел. Губенко продолжал свое тихое постукивание, пока Денисов не обратил внимания на маленькую фотографию, белевшую на полу, около стола. Улучив минуту, Денисов поднял ее и положил в карман. Потом они быстро распрощались с

хозяевами и, не переводя дыхания, молча прошли шесть домов до конца улицы.

За углом остановились.

— Он, — сказал Губенко, — все подходит: шрамик, слесарь, в Москве работал...

— Когда брать будете? — спросил инспектор, смягчаясь.

— Сначала предъявим фотокарточку.

Инспектор долго молчал, а когда подошли к автобусной станции, сказал на прощанье:

— Давайте в конце лета к нам за грибами! Здесь их навалом!

— Предварительно созвонимся, — пообещал Губенко, вытащил из портфеля изрядно потрепанную записную книжку и записал младшего лейтенанта на «г» — «грибы».

После этого они распрощались и еще долго ждали автобуса на Москву.

Здесь, под тонким деревянным навесом, Денисов вынул фотографию, посмотрел и показал Губенко: с квадратика глянцевой бумаги уверенно смотрел их противник — прилизанный молодой человек с удлинненным разрезом глаз и пробивающимися редкими черными усиками.

Старший инспектор Блохин выслушал Денисова не перебивая, отложив напрочь в сторону все другие дела. Потом вызвал фотографа.

— Десяток репродукций с этой фотокарточки, срочно...

— У меня, товарищ капитан, пленка только что заряжена...

— Ничего, отрежешь! — Маленькие черные брови Блохина сошлись углом. — Ты, Денисов, сейчас иди на пост, а когда я вызову, придешь с дежурными по автокамере. Учителю мы направим фото на опознание телеграфом.

Денисов хотел еще что-то спросить, но Блохин загремел ключами от сейфа, готовясь уходить.

Примерно в двадцать часов динамики разнесли по всем платформам и залам:

«Сержант Денисов, зайдите в отдел милиции! Повторяю...»

— Разрешите?

Кроме Блохина, в кабинете находились Горелов, Хорев и следователь Алтухов, молодой, но уже оплывший жирком человек, с редкими рыжеватыми волосами и большим лбом. Сбоку сидели понятые.

— Сейчас предъявим фотографии на опознание. Пригласите сначала свидетеля Хорева.

На плотном ватмане протокола были наклеены три фотографии, украшенные по углам сургучными печатями. Фотография Суждина была в ряду третьей.

— Товарищ Хорев, — Алтухов сложил короткие руки на животе, — я вас предупреждаю об ответственности... Говорить нужно правду, и только правду...

Маленький Хорев дрожащими руками достал очки, надел их, потом вытащил из кармана носовой платок и шумно высморкался. Прюделав это, он низко склонился над протоколом. Денисов отвернулся к окну и так, стоя спиной к Хореву, услышал его ответ:

— Здесь нету!

— Посмотрите получше, — строго сказал Блохин, но Хорев уже прятал очки в карман.

— Нету — я бы сказал!

— Горелов!

— Здравствуйте, товарищ начальник! — еще с порога развязно гаркнул Горелов и скользнул глазами по протоколу. На этом бланке фотокарточка Суждина была первой.

— Ну? — спросил Блохин.

Горелов покачал головой.

— Не в цвет! Ни один не похож!

Следователь отпустил обоих дежурных, простился с понятыми и, складывая протоколы в папку, стал расспрашивать Блохина о последнем служебном занятии, на которое сам он не смог попасть. Блохин рассказывал сначала скупо и нехотя, потом все более и более увлекаясь.

Денисов ждал нареканий в связи с напрасно затраченным временем, но их не было, и самого Денисова словно не было тоже.

— А Кузякин, веришь ли, стоит, глазами хлопает! Хотя бы записи вынул...

Денисов тихо прикрыл дверь и медленно побрел на платформу. В руке он сжимал неизвестно как вернувшуюся к нему фотокарточку Суждина. Темнело. Шел

мокрым снегом и тут же таял на платформе. У табло с расписанием поездов чернела толпа пассажиров, со скребками и лопатами в руках тянулись к раздевалке носильщики.

От девушек из справочного бюро Денисов позвонил Крестинину и как можно спокойнее объяснил, что произошло.

Крестинин помолчал немного на другом конце провода, потом спросил:

— Ты в субботу работаешь?

— Выходной.

— Тогда будь в девять на кольцевой. Там, куда я однажды тебя подвозил. Помнишь?

День обещал быть солнечным и, несмотря на утренний мороз, в воздухе ощущалась тонкая свежесть приближающейся весны.

Ждать пришлось недолго. Крестинин сидел за рулем без шапки, как всегда чуть-чуть щеголеватый, с непроходящими следами на лице каких-то известных ему одному забот и увлечений. Подъезжая, он приветственно махнул Денисову рукой в перчатке.

— Здравствуйте! Что нового? — спросил Денисов.

— Сначала о твоём деле, — езда доставляла Крестинину истинное удовольствие, он радовался машине как мальчишка, впервые севший за руль. — Если Хорев не спутал фамилию, то вы с Губенко установили, видимо, того самого — единственного Суждина, который получил из автокамеры чемодан. Но тогда я не понимаю, почему дежурные его не опознали.

— Ну вот! И шрам на шее с той же стороны! — обрадовался Денисов. — Заметьте, жил в Москве на квартире, субботу и воскресенье проводил дома. Поэтому взял вещи из автокамеры в пятницу, когда уезжал в поселок прямо с работы. А инструменты, микрометры?! Это же по его специальности!

— Выходит, что кражу совершил не гастролер и не рецидивист?!

— Мне Дмитрий Иванович, ваш консультант — помните? — сразу сказал, что это новичок.

— Посмотрим. Мы правильно едем?

— К Суждину?!

— Да, в поселок, но сначала в отделение милиции.

— Правильно, — Денисов погладил ладонью бро-

шенную на сиденье мохнатую пыжиковую шапку Кристинина, хотел что-то еще сказать, но промолчал.

Завидев машину с московским номером, подъезжавшую к отделению, дежурный вышел на крыльцо и откозырял.

— Начальник у себя? — спросил Кристинин, показывая удостоверение.

— Начальник отделения в районе, — ответил дежурный.

— Если мы привезем к вам одного человека, кабинета для нас найдется?

— Места хватит.

— Денисов, — сказал Кристинин, садясь в машину, — показывай дорогу.

Проехали они мало: машину вскоре пришлось оставить на шоссе и дальше идти пешком.

— Вон их дом! — кивнул Денисов.

Во дворе перед террасой колот дрова молодой высокий парень в телогрейке, наброшенной поверх белой нейлоновой сорочки. Он оглянулся на прохожих и снова принялся за топор. Денисов заметил, что в жизни Суждин был моложе и тоньше, чем на фотографии, и носил другую прическу. Уже знакомые Денисову бабка с мальчишкой носили колотые дрова на террасу. Кристинин остановился, положил локти на штакетник и, не говоря ни слова, стал наблюдать за работой. Парень снова оглянулся, но ничего не сказал. И это было странно.

Суждин колот дрова, а Кристинин и Денисов наблюдали за ним. Когда был разрублен последний кряж, Кристинин поднял голову.

— Суждин? Николай? Нам с тобою нужно поговорить. Иди сюда!

Суждин ни о чем не спросил, положил топор и вышел за калитку. Старуха посмотрела ему вслед, потом подняла топор и внесла на террасу. Она узнала Денисова, но не показала виду. Кристинин, не оборачиваясь, пошел к машине, за ним так же молча потянулись Суждин и Денисов.

— Тишина здесь такая! — сказал Кристинин, садясь за руль. — Только на санях и ездить.

— Далеко поедем? — спросил Суждин.

— В отделение.

В милицейском доме было так же тихо и пустынно. Дежурный провел их через полутемный коридор в не-

большую, жарко натопленную комнату за деревянной перегородкой. Денисов нервничал. Суждин ждал.

— Вы поговорите здесь, — сказал Кристинин. — Я хочу кое о чем спросить у дежурного.

Секунды потянулись мучительно долго.

— Ты в армии был? — спросил Денисов.

— Был.

— Так... — он вынул из кармана конверт, в котором носил записи, относившиеся к краже, затем вытащил смятую бумажку — бланк заявления на имя заведующего автокамерой. Суждин покраснел: издавлекá он не мог разобрать, чьей рукой заполнен бланк, но набранные типографским шрифтом слова «ЗАЯВЛЕНИЕ» и «ВЕЩИ ПОЛУЧИЛ СПОЛНА» он видел.

— Как же это получилось? — спросил Денисов.

Суждин сидел не шелохнувшись.

Вошел Кристинин, по-хозяйски переставил стул ближе к Суждину, сел.

— Как же это получилось? — повторил Денисов.

Суждин молчал, но для опытного работника МУРа молчание было достаточно красноречивым.

— Можешь все отрицать, — сказал Кристинин, — я знал людей, которые этим гордились в тюрьме. А потом в колонии. Это были не очень умные люди...

При упоминании о колонии Суждин сделал нетерпеливое движение рукой.

— ...Бабка мне сказала, что вы приезжали... Я знал. — Суждин совсем не напоминал прилизанного молодого юнца, изображенного на фотографии, у него было бледное, чуть асимметричное лицо и больные тоскливые глаза. — Я в тот день увольнялся с завода. Приехал перед работой на вокзал, чтобы положить сумку в автокамеру. На завод ее нести нельзя было — там у меня резцы лежали, штангели... Я их с работы унес. А когда сумку сдал, время еще было — идти некуда. Выпил там, на вокзале, с одним и пошел бродить по залу... Этот чемодан — будь он проклят! — он ведь с полчаса стоял ничейный.

— Зачем тебе были нужны резцы? — спросил Денисов.

Суждин поднял на него тоскливые глаза.

— Я сюда в РТС переходил, тут с инструментами туго.

— Вещи из чемодана продал?

— Ничего себе не взял, все цело. Так в чемодане и лежат, вы увидите! За поленницей, в сарае...

— Зачем же ты пришел за вещами в камеру?

— Хотел отослать. Думал, адрес в чемодане.

— Наверное, уже все сгнило...

— Пишите, — Кристинин пододвинул стопку белой бумаги. — «Заявление. Хочу рассказать органам милиции»... Дальше изложите сами...

Суждин странно зашмыгал носом и взялся за перо. Кристинин с Денисовым вышли в соседнюю комнату.

— Надо же! — сказал Кристинин. — Среди ста двадцати тысяч пассажиров на вокзале найти одного! Ничем не приметного! Больше чем через полгода!

Денисов незаметно перевел дух.

На гулкой деревянной лестнице внизу послышались шаги. Вошли двое.

— МУР есть МУР! Зря не приедет! — провозгласил еще с порога шедший впереди — полный, страдающий одышкой, в форме майора. Он словно обращался к большой невидимой аудитории. — Не та фирма! Вот у кого следует учиться! Слышишь, зам по оперативной части?

Второй, не улыбочивый, в штатском, спросил:

— Как вам удалось его найти? Через скупочный магазин? Или оперативные данные?

— Ни то, ни другое. Воспроизведение обстоятельств совершения кражи.

Денисов вошел в кабинет, где писал объяснение задержанный, взял со стола забытый конверт со своими записями. Суждин на минуту поднял голову, увидел выпавшую фотографию.

— А как это к вам попало? — удивился он. — Это ведь мой друг, мы с ним вместе в армии служили!

Денисов смутился.

Между тем в соседней комнате профессиональные работники розыска анализировали метод, каким было раскрыто преступление. Они судили действия сержанта строго, без скидки на неопытность.

Денисов старался не прислушиваться к разговору за дощатой перегородкой и в то же время не мог не волноваться, как ученик, представивший на суд знатоков первую самостоятельную работу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Ульмас Умарбеков

ВСТРЕЧА — 6

Евгений Коршунов

ГРОЗА НАД ЛАГУНОЙ — 66

Юлий Файбышенко

РОЗОВЫЙ КУСТ — 166

М. Стейга, Л. Вольф

ДЕЛО ЗЕНТЫ САУКУМ — 286

РАССКАЗЫ

Петр Шамшур

РОМАШКА — 470

Сергей Наумов

В ГОЛУБЫХ БАРХАНАХ — 490

Борис Сопельник

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК — 510

Леонид Словин

ДЕЛО БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ — 522

Юрий Усмченко

ПРОЗРЕНИЕ — 544

Сборник приключенческих повестей и рассказов.
П-75 М., «Молодая гвардия», 1973.

576 с., с илл. («Стрела») 100 000 экз. 1 р. 17 к.

В новом сборнике читатель найдет произведения как уже известных ему авторов-приключенцев, так и новые имена.

Повесть У. Умарбекова «Встреча» посвящена ченистам первых лет Советской власти в Узбекистане. В мир борьбы народов Африки за свою независимость против колонизаторов переносит читателя повесть Е. Коршунова «Гроза над лагуной». Повесть Ю. Файбышенко «Розовый куст» рассказывает о работниках уголовного розыска в годы нэпа. Сегодняшним дням посвящена большая повесть М. Стейги и Л. Вольфа «Дело Зенты Саусум». Ее герои — следователи и оперативные работники милиции Советской Латвии.

В сборник вошли также рассказы П. Шамшура, Л. Словина, Ю. Усыченко, С. Наумова, В. Сопельяма.

7-3-2
191-73

P2

OCR: Угленко Александр

Редактор-составитель **А. Строев**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Г. Прохорова**

Сдано в набор 23/III 1972 г. Подписано к печати 23/V 1973 г.
A00395. Формат 84×108¹/₂. Бумага № 2. Печ. л. 18 (усл. 30.24).
Уч.-изд. л. 31.5. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 17 к. Т. П.
1973 г. № 191. Заказ 2330.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сушеш-
ская, 21.

